

Список цитируемых источников

1. Каган, М. С. Пространство и время как культурологические категории / М. С. Каган // Вестн. СПбГУ. — Сер. 6. 1993. — Вып. 4. — 78 с.
2. Быстрова, А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии / И. Н. Быстрова // Философ. науки. — 2004. — № 12. — 36 с.
3. Свирида, И. И. Пространство и культура : аспекты изучения / И. И. Свирида // Славяноведение. — 2003. — № 4. — 96 с.
4. Кармин, А. С. Основы культурологии. Историография культуры / А. С. Кармин. — СПб. : Лань, 1997. — 512 с.
5. Феномен культурного пространства / О. В. Гуткин [и др.]. — Саратов : Науч. кн., 2005. — 137 с.
6. Бродель, Ф. Что такое Франция : в 2 т. / Ф. Бродель. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1994. — 315 с.
7. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров : человек—текст—семиосфера—история / Ю. М. Лотман. — М. : Яз. рус. культуры, 1996. — 447 с.
8. Клакхон, К. Зеркало для человека. Ведение в антропологию / К. Клакхон. — СПб. : Евразия, 1998. — 464 с.
9. Мамина, Р. И. Имидж: виртуальный мир или реальность? / Р. И. Мамина // Виртуальное пространство культуры : материалы науч. конф., 11—13 апр. 2000 г. — СПб., 2000.
10. Люббе, Г. Наука и религия после Просвещения: об утрате культурной значимости научных представлений о мире / Г. Люббе // Наука в культуре. — М. : Эдиториал УРСС, 1998. — 316 с.
11. Власова, С. В. Образование XXI века: каким ему быть? / С. В. Власова // Обществ. науки и современность. — 1999. — № 2.
12. Семенов, И. С. Трансформация критериев самоидентификации в социокультурном и политическом пространстве : западная парадигма и российский контекст / И. С. Семенов // Полос. — 2000. — № 3.

УДК 298.9

И. В. Шушкевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

НЕОЯЗЫЧЕСТВО — ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО НАПРАВЛЕНИЯ: БЕЛОРУССКИЙ КОНТЕКСТ

Неоязычество — феномен, уходящий своими корнями в историю не сильно глубоко, так как возникло это религиозное движение в XIX—XX вв. В последнее же время вопрос о неоязычестве как о новом религиозном направлении все больше и больше интересует как исследователей-религиоведов, так и представителей традиционных религий, просто интеллектуалов, интересующихся духовной сферой жизни общества. Возникает множество вопросов, связанных с тем, как относиться или как воспринимать тенденции этого нового движения, набирающего обороты, приобретая всё новых адептов. Также к причине заинтересованности этим феноменом можно отнести и тот факт, что новые религиозные движения в совокупности не являются традиционными ввиду преобладания христианских ценностей в нашей стране и постсоветском пространстве в целом. Возможно это новый виток истории и переосмысления своих воззрений людьми, пробуждающий поиск альтернатив, отвечающих запросам современности.

Прежде чем начать, хотелось бы указать фамилии некоторых учёных, занимавшихся изучением феномена неоязычества на постсоветском пространстве: А. Гуцуляк, О. Кавыкин, Е. Силаков, А. Гайдуков, В. Шнирельман и др. Среди белорусских ученых следует упомянуть такие имена, как А. Гурко, И. Михеева, В. Мартинович и др.

Необходимо отметить, что проявление этого феномена характерно и для других стран мира, а истоки заинтересованности языческими и оккультными практиками тонкой нитью можно проследить еще на заре эпохи Возрождения. Тенденция увлечения неоязычеством наблюдается, например, в Армении [1] и Германии [2].

Так в чем заключается причина его возникновения, распространения и популярности в современном обществе? Многими исследователями данные процессы объясняются через призму негативных, побочных последствий модернизации и глобализации. Через индустриальный прорыв и научно-техническую революцию человек начал разрушать и загрязнять окружающую среду. Урбанизация вырвала людей из естественной среды обитания. Демократия не оправдала возложенных на нее надежд, породив лицемерную эпоху двойных стандартов и коррупции, а безбрежная свобода, упразднение института общественной морали и вовсе привели к упадку нравов, которыми регулировалась, получше закона, социальная жизнь общества. Поэтому в альтернативу научному прогрессу, в качестве решения неоязычники предлагают вернуться к истокам, переосмыслить их и взять самое лучшее, что, по их мнению, способно помочь разобраться с проблемами современности.

Становление неоязычества, тяготеющего к древнерусскому политеизму, происходило в 1970—1980-е гг., во время роста новых «постатеистических» сект и религиозных направлений. Одной из причин появления неоязыческого движения может служить недовольство господствующими религиями, которое тесно связано с политическими мотивами, в другом же случае оно связано с неприятием официальной религиозности, несоответствием христианских ценностей, норм и идей, личным духовным потребностям славянского человека [3]. Также причиной обращения человека в неоязычество может служить интерес к мистике и эзотерике. А наряду с интересом к религии, сверхъестественному и политическим мотивам еще одним вариантом становления человека на путь нового религиозного движения является сочувствие природе, экологическим идеалам. Конечно,

есть и ряд других факторов, из-за которых происходит формирование неоязыческой идентичности, но не один из них не является, на наш взгляд, первопричиной желая отхода от сложившегося христианского мировоззрения и возникновения неоязычества, но их взаимное переплетение, безусловно, способно привезти именно к такому результату.

Как уже было сказано, 1970—1980-е гг. характеризовались становлением неоязычества, в это время начало существовать общество «Память», которое было задумано как языческая антихристианская организация [4]. А в 1983 г. было проведено заседание, посвященное поддельной «Велесовой книге», опубликованной в 1992 г., которая является «библией» для восточно-славянских неоязыческих движений. Также немаловажное место занимали такие «классические произведения», как «Десионизация» В. Емельянова и «Христианская чума» А. Иванова (Скуратова) [5]. Помимо этого, адепты неоязычества создают и свои собственные труды, например, так называемые «Славяно-арийские веды», опубликованные впервые в 2000 г., ссылаются неоязычники и на многочисленные труды академика Б. Рыбакова, черпая оттуда «нужную» для себя информацию.

Остановившись на одном из основных источников неоязычества, «Велесовой книге», хочется сказать, что это сочинение в самом тексте называется «Влесниго», что характерно для «языка падонкаф», с конечным -о. И, пожалуй, отметим несколько пунктов, указывающих на то, что данная книга не является аутентичным источником, а была сфальсифицирована:

1) первым публикатором «Велесовой книги» считается Ю. Миролубов, рассказы которого об этом источнике представляются достаточно непоследовательными: текст дошел на деревянных табличках, записанным язычниками в глубокой древности. Утверждение того, что после войны у него кроме копии ничего не было, опровергается фотографией. И, учитывая тот факт, что это сочинение видел только один Миролубов, невольно наталкиваемся на мысль о подделке;

2) на единственно имеющейся фотографии был запечатлен рисунок, а не подлинная дощечка;

3) публикаторы и поклонники «Велесовой книги» говорят, что она написана в IX в. докириллическим письмом. Но, по факту, то, что видно на упомянутом снимке, — немножко деформированная кириллица (в IX в., причем в самом его конце, ее только-только должны были изобрести христианские книжники), а некоторые буквы выглядят так, как они сложились к XV в. Кроме того, эти буквы подвешены к горизонтальной линии, как в индийском письме;

4) язык «Велесовой книги» представляет из себя «винегрет» из разных славянских языков, которые не являются древними, а принадлежат к более позднему периоду истории. Одни и те же слова в тексте употреблены то по-болгарски, то по-украински, то по-чешски, и довольно часто автор употребляет совершенно несуществующие слова, неправильно построенные по образцу, например, польских;

5) автор пренебрегает окончаниями слов, которые в настоящем тексте имеют конкретные значения. Он же берет абсолютно любой корень и сочетает с различными окончаниями, без определенной системы и смысловой нагрузки, тем самым создавая хаос, в котором нет никакой системы.

Для того чтобы понять сущность феномена неоязычества и рассмотреть его проявление в Беларуси, следует для начала обратиться к определениям исследователей, чтобы детальнее разобраться в его сущности. В. Терехов, например, говорит, что неоязычество или нативизм представляет собой попытку реконструкции дохристианских верований, основанием которой являются немногочисленные сохранившиеся исторические данные с привлечением фантазии, элементов традиционных религий, других верований и движений “New Age”. Фактически славянское неоязычество является попыткой реанимации дохристианских верований древних славян, возврат к почитанию их богов [6].

В принципе, когда речь заходит о неоязычестве, именно такое понимание с сопутствующими понятиями (возрождение, трансформация, реконструкция) и присутствует в умах большинства людей, которые с опаской и настороженностью относятся к относительно новому религиозному движению на фоне уже устоявшегося христианского мировоззрения на постсоветском пространстве.

А. Гайдуков понимает неоязычество как совокупность движений, включающих религиозные, политические, общественные и историко-культурные объединения, которые в своей деятельности обращаются к дохристианским практикам в целях их возрождения и реконструкции [7].

А. Шеглов пишет, что неоязычество подразумевает сознательное реконструирование взглядов и дохристианских верований, что превращает людей в адептов новой веры. Приставка нео- действительно оправдана, так как мы имеем дело не с некой унаследованной путем непрерывной передачи от предков следующему поколению системой отношений [8].

Обращаясь к исторической науке и конкретным данным исследований славянского язычества дохристианской эпохи, ясно видно, что «реальное славянское язычество» было утрачено много столетий назад, с приходом христианства в конце X в. Дошедшие до нас имена богов, скудные описания некоторых ритуалов, а также археологические находки, которые сильно варьируются в степени своей сохранности для того, чтобы было возможно восстановить вероучение древних славян во всей полноте,— все это не способно заполнить остающиеся пробелы картины дохристианских верований, потому что никому однозначно не известно, во что именно верили наши предки, каким образом совершали те или иные обряды, как и какие слова произносили и какими нравственными нормами руководствовались в своем бытии. Безусловно, учеными предпринимались попытки реконструкции славянского язычества, но, оставаясь в рамках научного метода, получить целостную картину все равно представляется невозможным. И поэтому попытки восстановления, возрождения и «возвращения

к древней традиции» славянского язычества сталкиваются с необходимостью закрывать многочисленные пробелы вероучения предков посредством догадок и фантазий. Именно они привели к возникновению новых религиозных движений, которые исследователи объединяют под общим названием «неоязычество».

Таким образом, представляется затруднительным и даже невозможным «возвращение к древней традиции», поскольку живой традиции как таковой не сохранилось, она прервалась на многие годы. Исходя из этого, феномен неоязычества следует рассматривать не только и не столько как реконструкцию праславянской религиозной политеистической традиции, а как конструирование и трансформацию совершенно нового религиозного направления. Данная тенденция свойственна не только славянам или жителям постсоветского пространства, а наблюдается и в других странах мира. В этом контексте В. Шнирельман говорит о неоязычестве как об искусственно создаваемой общенациональной религии на основе древних локальных верований в целях «возрождения национальной духовности», но фактически речь идет не о возрождении, а о конструировании идеологической основы для новой социально-политической общности, более соответствующей условиям модернизации», т. е. своего рода возврат к славянскому язычеству не является абсолютным, а, скорее, служит фундаментом для построения, переосмысления взглядов восточных славян дохристианского периода и на этом основании создания нового, соответствующего современности мировоззрения [9].

Поэтому несмотря на то, что в наши дни все еще существуют на земле народы, которые сохранили свою аутентичность и не прервали континуитет языческих практик со времен предков (аборигены Австралии, некоторые народности Африки и Азии, отдельные племена Южной Америки), что не скажешь о славянском язычестве, целесообразным является переосмысление нового религиозного направления, что, возможно, избавит общественность от споров об истинности и подлинности традиции, так как «каждая из заинтересованных сторон, характеризуя данный феномен, как правило, изначально относится к нему предвзято, рассматривая его сквозь призму своих религиозных, политических, этнических и других пристрастий» [10].

Большинство исследователей в своей научной деятельности при написании публикаций не способны избежать оценочных суждений, тем самым уменьшая объективность рассмотрения проблемы. Когда речь идет и о феномене неоязычества, термин которого широко используется в научных трудах, авторы описывают им разновекторные явления.

Белорусская исследователь И. Михеева определяет неоязычество как «комплекс специфических процессов и явлений», однако это название, по ее мнению, условное. Неоязычество в ее понимании является альтернативным вариантом религиозного направления, который держит вектор на поддержание традиционного духовно-нравственного баланса как в жизни отдельного человека, так и в социальной жизни в целом. Этот термин не является общепринятым, а его применение фиксируется в различных сферах — от специфических проявлений в политике до тенденций в искусстве, но прежде всего он характерен для религиозной сферы. Также она считает, что неоязыческие объединения занимают чаще всего не реконструкцией языческих традиций славян, дохристианских обрядов и обычаев, а, скорее, создает альтернативные мировоззренческие идеи по переустройству общества [11].

Итак, неоязычники — это группы, пытающиеся реконструировать древние дохристианские, политеистические религиозные верования, обычаи и обряды в их первоначальном виде или с привнесением в них каких-либо новых компонентов. Очень сложно сказать, какие неоязыческие сообщества на данный момент существуют на территории Беларуси, так как они официально не зарегистрированы. Однако все же можно выделить некоторые известные на данный момент организации, действующие в Беларуси: Центр этнокосмологии «Крийя», Центр «Даратэя», Славянская ведическая община «Лад Перуна», Содружество родноверов, Орден «Славянский круг» и Белорусский экологический союз.

Содружество родноверов — одно из направлений неоязычества, последователи которого пытаются воссоздать, реконструировать верование славян дохристианского периода. Ими отвергается навязанное, по их мнению, христианство, считая язычество своей аутентичной религией, прославляя богов своих предков.

Орден «Славянский круг». Руководитель этой организации в Беларуси — Адамович Геннадий Эдуардович. Для данного неоязыческого направления присущ как неоязыческий, так и оккультный характер. Руководитель очень многое перенял из астрологической оккультно-религиозной системы, составив астрологические гороскопы (например, «Черный крест»), которые являются основой вероучения наравне с так называемой системой «Девять кругов смерти» [12—14]. Движению присуща секретность, закрытость и недоступность. Первая публикация славянского мистического гороскопа была основана на системе «Девять кругов смерти», которая была передана Адамовичу его родственником в устной форме, которая основывается на веровании славян дохристианского периода [12].

Картина неоязычества в Беларуси в настоящее время показывает, что определённое место занимают нетрадиционные для региона культы и верования, не относящиеся к уже устоявшейся христианской традиции. И если одни из них всеми воспринимаются как чужие, пришедшие извне, то другие стараются утвердить свою принадлежность к данной территории, обращаясь к неким обычаям, обрядам и традициям, что вполне характерно и для неоязычества [15; 16].

Как отмечает В. Мартинович, в Беларуси феномен неоязыческого движения представлен широким диапазоном различных типов групп и организаций, начиная с объединений романтиков-интеллектуалов, занимающихся популяризацией неоязычества в СМИ, и заканчивая сплочёнными, сильно политизированными общинами и группами экстремистской направленности [17]. И хоть неоязыческие организации достаточно разнооб-

разны, но не многочисленны, они составляют, по данным В. Мартиновича, всего лишь 1,7 % от всех неоекультвов республики [17]. Учитывая сложность установления точных данных о неоязыческих организациях, более сложной задачей является установление примерного количества приверженцев новых религиозных движений. Однако, пожалуй, их главным идейным преимуществом является акцент на автохтонной традиции, т. е. общественность воспринимает его более доверительно ввиду того, что оно позиционирует себя как местное, родное и естественное для нашего народа на фоне других пришлых неоекультвов.

Также существуют приверженцы иных белорусских идентичностей, которые пытаются войти в модный на сегодня тренд, в котором белорусы не являются по своему происхождению славянами, а есть славянизированные балты [18]. Поэтому неоязычество как никак лучше подходит для формирования идентичности белорусов, а для того, чтобы эту идею реализовать, необходимо создать новую культурную традицию, которая предполагает конструирование нового религиозного направления на основании представлений предков, таким образом, чтобы оно освящало бы современные доктрины о национальной идентичности. Для этого «необходимо глубокое изучение, систематизация и пропаганда традиционных представлений о мире» [18]. Глубокое изучение подразумевает не объективные исследования, а лишь создание новых мифов о древности, которые освящали бы интеллектуальные игры современных белорусов.

Таким образом, создание альтернативного религиозного направления — нового религиозного движения — в лице неоязычества связано с использованием некоторой, дошедшей до нас информации о верованиях, обрядах и обычаях древних восточных славян, которые сложно признать традиционными ввиду их прерванности с принятием христианства, которые только спустя множество веков пытается восстановить современное поколение.

Принимая во внимание картину, полученную в ходе рассмотрения феномена неоязычества, не может идти речь о полном восстановлении, воссоздании или реконструировании верования славян дохристианского периода по вышеизложенным причинам, поэтому целесообразнее говорить о конструировании или формировании совершенно нового религиозного направления, отвечающего современным тенденциям и общественным запросам, которое, как полагают его основатели и лидеры, сможет более эффективно регулировать отношения в социуме и в целом помочь разобраться с проблемами современности.

Список цитируемых источников

1. Антонян, Ю. Ю. «Воссоздание» религии: неоязычество в Армении [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Антонян // Laboratorium. — 2010. — № 1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vossozdanie-religii-neoyazychestvo-v-armenii>. — Дата доступа: 16.02.2019.
2. Грюндер, Р. Неоязычество в Германии / Р. Грюндер // Colloquium heptaplomeres. — 2014. — № 1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoyazychestvo-v-germanii>. — Дата обращения: 16.02.2019.
3. Суrowегина, Е. С. Интервью с А. П. Амплеевым / Е. С. Суrowегина // Colloquium heptaplomeres. — 2016. — № 3. — С. 103—106.
4. Емельянов, В. Н. Настоящая «Память» жива / В. Н. Емельянов // Рус. правда. — 1994. — № 3. — С. 3.
5. Верховский, А. И. Национально-патриотические организации в России. История. Идеология. Экстремистские тенденции / А. И. Верховский, В. В. Прибыловский. — М.: Панорама, 1996. — 190 с.
6. Терехов, В. И. Об актуальных тенденциях в современном русском нативизме [Электронный ресурс] / В. И. Терехов. — Режим доступа: <http://iriney.ru/okkultnyie/neoyazychniki/ob-aktualnyix-tendenciyax-v-sovremennom-russkom-nativizme.html>. — Дата доступа: 21.01.2019.
7. Гайдуков, А. В. Идеология и практика славянского неоязычества : дис. ... канд. фил. наук : 09.00.06 / А. В. Гайдуков. — СПб., 2000. — 150 с.
8. Шнирельман, В. А. Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал) [Электронный ресурс] / В. А. Шнирельман // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — 2012. — № 114. — Режим доступа: <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/114-Shnirelman>. — Дата доступа: 16.02.2019.
9. Щеглов, А. М. Возвращение богов / А. М. Щеглов. — М.: Пробел, 1999. — 19 с.
10. Шижженский, Р. В. К вопросу о терминологии славянских вариаций “indigenous religions” (на примере термина «неоязычество») / Р. В. Шижженский // Этническая история народов Европы : сб. науч. ст. — Киев: УНИСЕРВ, 2010. — С. 121—126.
11. Михеева, И. В. Неоязычество как религиозно-культурный феномен современности: проблема дефиниции [Электронный ресурс] / И. В. Михеева. — Режим доступа: <http://sobor.by/center.php?n=naz-yaz3>. — Дата доступа: 20.05.2012.
12. Адамович, Г. Э. Славянский мистический гороскоп. Устная традиция / Г. Э. Адамович. — М.: Белые альвы, 1999. — 128 с.
13. Адамович, Г. Э. Бесконтактный массаж : теория, традиция, практика / Г. Э. Адамович. — Минск: Минск, 1996. — 144 с.
14. Адамович, Г. Э. Белорусские асилки / Г. Э. Адамович. — М.: НОГ, 1995. — 144 с.
15. Бесков, А. А. Парадоксы русского неоязычества [Электронный ресурс] / А. А. Бесков. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-russkogo-neoyazychestva>. — Дата доступа: 16.02.2019.
16. Чудинов, С. А. Традиция и историческое мировосприятие в феноменологическом мире неоязычества / С. А. Чудинов. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsiya-i-istoricheskoe-mirovospriyatie-v-fenomenologicheskom-mire-neoyazychestva>. — Дата доступа: 16.02.2019.
17. Мартинович, В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция : материалы к изучению нетрадиционной религиозности / В. А. Мартинович. — Минск: МинДА, 2015. — Т. 1. — 560 с.
18. Портников, А. Белорусское «большое пространство» как лекарство от комплекса жертвы [Электронный ресурс] / А. Портников. — Режим доступа: <http://inbelhist.org/belaruskoe-bolshoe-prostranstvo-kak-lekarstvo-ot-kompleksa-zhertvy/>. — Дата доступа: 12.01.2019.